

Анастасия Ростова
МАКИ ПРОВАНСА

АнастасИЯ РОСтова

**Маки Прованса.
Историческая феерия**

«Издательские решения»

РОСтова А.

Маки Прованса. Историческая феерия / А. РОСтова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964377-3

«Маки Прованса» — фантазия на историческую тему, переносящая читателя в эпоху расцвета куртуазной лирики в средневековой Франции. Роман повествует о женщине-трубадуре по имени Жанна-Песенница, её друзьях, врагах, потрясающей силе духа и чувстве юмора. Книга издана в авторской редакции.

ISBN 978-5-44-964377-3

© РОСтова А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие: Русская девушка с душой трубадура	6
Слово автора	7
ПРОЛОГ. ВИТРАЖИ, ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ И ПЛАМЯ	8
ГЛАВА 1. ЛЮТНЯ С ГЕРБОМ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Маки Прованса Историческая феерия

АнастасИЯ РОСтова

Книга посвящается моему другу Елене Секине

*Автор рисунков на обложке и в книге Елена Николаевна Топтунова
Подготовка к публикации. Обложка Николай Алексеевич Кочнев*

© АнастасИЯ РОСтова, 2019

ISBN 978-5-4496-4377-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие: Русская девушка с душой трубадура

Душа человеческая – загадка. Когда она разворачивает свои лепестки, никто не ведает, каким в итоге станет её невероятный цветок, смотрящий в бесконечность. Радужный орнамент фантазии есть её ореол.

«Маки Прованса» – первая книга прозы АнастасИИ РОСтовой, начало раскрытия цветущей фантазии её души. Русская девушка в павловопосадском царственно-синем платке на фоне храма на Нерли – это она. Идущая в ногу со временем и стремящаяся познать вечную суть творчества – это Настя. В начале 2016 года вышла первая (и замечательная!) книга её стихов «Лезвия Розы». И снова цветы – на этот раз «Маки Прованса». Откуда же взялась эта идея путешествия «от наших улиц к французским рю», говоря языком самой Насти? Всё просто: именно Прованс – родина рифмы, поэзии в том виде, в каком мы её знаем. Роман «Маки Прованса» характеризует не только живописное место действия, но и совершенно чудесное время, в котором живут трубадуры, труверы, менестрели, миннезингеры и рыцари, совершающие героические подвиги ради своей дамы сердца и посвящающие ей романтические стихи! Спустя почти столетие после «Розы и креста» Александра Блока в русской традиции появляется ещё одна яркая история – дань этой эпохе. На этот раз в прозе – впрочем, очень напоминающей поэму.

Книга источает аромат лазоревой лаванды и куртуазной лирики, манит читателя на яркие маковые поля. Героев окружают кипарисовые рощи, величественные цитадели и другие элементы пейзажей с полотен Ван Гога. «Закадровый текст» романа «читает» сильный и звонкий, как колокольчик, голос автора. Утончённые образы, витиеватые речи, словно в песнях средневековых певцов, уже далёкие от реалий современного мира, в «Маках Прованса» на своём месте.

Приведу строки из книги:

«... Мне горько, что она бродит одна-одинёшенька, но эту упрямыцу, если она что-то вбила себе в голову, отговорить невозможно. Одно знаю – за эту девочку мне, старику, никогда не будет стыдно. Она умеет хитрить, но лгать никогда не станет. И сердце у неё доброе.»

Это сказано о Жанне из Арля, главной героине «Маков...», но вполне может быть отнесено и к самой Анастасии...

Невероятный оптимизм и харизма автора пропитывают каждую строку этой книги, заряжая читателя добром и светом. Это неспешное путешествие в глубину веков, где на провансальских дорогах встречаются герои и антигерои, это драма рока и грех зависти. Это гобелен, который достали из старинного кованого сундука в королевском замке. Это звучание волшебной арфы, нежная песнь лютни и тонкий плач изящной скрипки ручной работы древнего мастера. Такова история, раскрывающаяся в «Маках Прованса».

Говорят, что автор начинается со второй книги... Настина первая птица пущена в небо, теперь и вторая улетела следом. Так собирается белая стая страниц... Хочется пожелать Насте голубого неба – её любимого цвета! Высокого полёта её светлым фантазиям и благодарных читателей.

Лариса Бухвалова,
член Союза писателей России

Слово автора

У этой книги удивительная история. До её появления мне удалось побывать в Провансе трижды. В третьем путешествии случилось то, что решило её судьбу – на экскурсии к лавандовым полям Настя из Нижнего Новгорода встретила Лену из Владивостока, и мы заключили пари. Я должна была закончить книгу до нового 2016 года или купить Лене перелёт до Марселя. 31 декабря ровно в 17:25 по Москве я дописала последнюю строку черновика. В Токио, где сейчас живёт Лена, было уже 23:25. Тем не менее, она радостно засчитала мне победу и поздравила с рождением книги, посвящённой ей.

«Маки Прованса» больше феерия или притча, чем сколько-нибудь серьёзное историческое произведение. Оценивать книгу с этой точки зрения так же странно, как критиковать за неисторичность костюм царя тридевятого царства в киносказке. Условное Средневековье, которое у меня, возможно, получилось несколько лубочным и сусальным, – всего лишь фон для того, что мне хотелось сказать. Это не книга об исторических событиях. Это книга о внутренней свободе и её цене. О настоящем и ненастоящем. О Любви и человеческом достоинстве.

Здесь много чёрно-белого и красно-чёрного, полутона редки (Средневековье – эпоха крайностей). Мне хотелось предельной честности человеческих чувств – как светлых, так и потаённых тёмных, которые мы в наш лукавый век научились скрывать.

Первым моим впечатлением от Прованса были маки, выросшие на каменистой платформе рядом с вокзалом Арля. Упорные маки. Хрупкие цветы, желающие жить и умирать как и когда им вздумается. Дурманяще прекрасные маки, которыми нельзя обладать и которыми можно только любоваться.

Жанна из Арля – живой мак Возрождения, появившийся раньше срока. Если бы Джордано Бруно был женщиной и поэтом, получилась бы Жанна. Надеюсь, вы её полюбите. Ей это небезразлично!

АнастасИЯ РОСтова

ПРОЛОГ. ВИТРАЖИ, ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ И ПЛАМЯ

Лекция была обычной – познавательной и великолепно продуманной, но за несколько лет учёбы на родном филфаке мы привыкли считать старания Алевтины Финогеновны нормой – чем-то вроде озона, неизбежно освежающего воздух после грозы.

– Ну что ж, господа филологи, судя по вашим лицам, литература Франции эпохи Вольтера вас не слишком интересует. Во всяком случае, гораздо меньше, чем солнышко за окошком... – Алевтина Финогеновна понимающе улыбнулась. К счастью, она не стремилась жить по принципу «преподаватель = небожитель».

– Однако солнышко будет в вашем распоряжении сразу после пары, а пока продолжим... Как раз вчера в новостях культуры промелькнуло нечто, пусть и косвенно, но относящееся к нашей теме. Кто скажет мне, что это было, придёт на экзамен с зачёткой и получит «автомат». Есть какие-нибудь версии?

Аудитория сосредоточенно молчала. Морской бой за моей спиной тоже был прерван. «Гуляй, Вася» крутил в пальцах ручку и сосредоточенно пыхтел, пережидая перемирие – видимо, продумывал следующий вариант расстановки своих крейсеров. Значит, Лёшка опять выигрывал.

Теоретически я могла бы смотреть канал «Культура», но телевизора в нашей комнате не было. Общажные условия предполагали спартанский быт...

Алевтина Финогеновна выдержала паузу и продолжила.

– Значит, автомат найдёт своего владельца после теста по прочитанному. Сэ ля ви... Тогда мне придется ввести вас в курс дела. Не так давно был издан перевод на русский язык романа «Рассвет в Арле». Семейство Арман утверждает, что этот роман является адаптированной для современного читателя публикацией подлинной рукописи коллекционера старинных документов Анри Армана, жившего в первой трети XVIII века. Более того, в аннотации сказано, что в основу литературных экзерсисов мсье Армана легли собранные им тексты рыцарской лирики и дневниковые записи некоего кардинала Прева, относящиеся к началу XIV века. Полгода назад коллеги из Сорбонны любезно предоставили мне экземпляр французского издания этой книги. Я склонна думать, что какие-то подлинные рукописи семья Арман, конечно, использовала, однако их процент невелик, и перед нами скорее талантливая мистификация в духе «Песен Оссиана» Томаса Макферсона. Хотя специалисты до сих пор не пришли к единому мнению.

Если пожелаете, можете ознакомиться с этой вещью... В наших магазинах она уже есть – во всяком случае, я её там видела. А если найдутся храбрецы-докладчики, желающие облегчить свою участь во время летней сессии, то мы с вами проведём семинар. Кто смелый, кто вызовется отвечать по загадочному тексту?

Поднялось сразу несколько рук. Энтузиазм объяснялся просто. Многие уже видели расписание экзаменов и каждую перемену стонали, что «такое без допинга за две недели сдать невозможно». Я тоже была в числе добровольцев – мне стало интересно. Раз уж Алевтина Финогеновна согласна ради этого романа внести изменения учебный план, значит, книга того стоит...

На перемене меня «отловил» мой напарник Игорь – мы с ним делили на двоих парту и задания. Чаще мирно, но иногда у нас завязывались позиционные войны. Впрочем, сейчас конфликта не намечалось.

– Слушай, Жень, я знаю, где продают эту книжку. Видел в «новинках». Сходим? Я тоже отвечаю.

– В курсе – ты при мне демонстрировал готовность. Давай – пока все наши туда не рванули... Они, правда, обычно спохватываются «за два дня до того, как...». Но подстраховаться не мешает.

Напарник не подвёл, как и следовало ожидать, – ещё бы, он же интеллигент в третьем поколении. Где ж ещё ему гулять, как не вдоль стеллажей с томами какого-нибудь Гегеля?

Нужную книжку мы нашли секунд через 20 после входа в магазин. Я быстро ухватила за охристую обложку «под Средние Века» в духе Дэна Брауна и Умберто Эко – какие-то витражи, песочные часы, пламя и написанное на пергаментном свитке заглавие. Игорь потянулся было за второй книгой, а потом предложил:

– Слушай, Жень, а может, одну на двоих купить? Например, я куплю и с тобой поделюсь. Ты ж всё-таки в общежитии живёшь, а я местный. Мне нетрудно. Ты бы прочитала быстренько и мне отдала – тебе ж это ничего не стоит, ты книжки буквально глотаешь. А потом бы мы вместе к семинару подготовились. А если тебе ещё будет нужен этот роман, я тебе его насовсем отдам – я его чисто для учёбы покупаю. Меня другого рода вещи интересуют.

– Дело говоришь. У меня всего рублей пятьсот до конца месяца осталось. Будь по-твоему!

Ну, спасибо за понимание. Хоть не помру с голодухи. И всё-таки он, блин, сноб. «Меня другого рода вещи интересуют». Ещё бы, романы – это для нас, простых смертных. Этот ботан небось только Спинозу да Ницше читает... даже в туалете!

Ладно, главное, что помог. И книжку дал мне первой. Что, собственно, от него ещё требуется?

Кто бы знал тогда, что за пропасть эта книжка! Но мы оба рискнули туда провалиться...

ГЛАВА 1. ЛЮТНЯ С ГЕРБОМ

Пасмурным утром на дороге, что ведёт от камаргианских болот к городу Арлю, показалась тёмная точка. Спавший под кустом тамариска козопас лениво приоткрыл один глаз и заметил нелепого вида побродягу в поношенных лохмотьях и с бережно завернутым в холстину музыкальным инструментом. «Шатается тут всякий сброд, не живётся им, бездельникам, по-христиански», – подумал козопас и погрузился в сладкие думы о своей Мари – весёлой и пышной, как булочки её отца-пекаря. Козьи бубенчики позванивали совсем рядом, и, если бы не надоедливые насекомые, сладкая дрема юноши длилась бы до следующей дойки.

Побродяга, между тем, продолжал свой путь. На нём был капюшон – из тех, что носят безобразные прокажённые. Остальная одежда, ношенная и не раз штопаная на локтях и коленях, висела на нём мешком. Худая рука прижимала к боку битком набитую дорожную суму с подаванием, у пояса болталась пустая фляга. Вид у путника был самый жалкий. Только края чистой и новой холстины, которой был укрыт инструмент нищего, трепетали на ветру, словно лепестки белого олеандра.

В этот час ни один крестьянин не удивлялся нищему – самая пора ему спешить в город, чтобы до вечера голосить свои песни и клянчить еду у торговков. Каждый, кто слышал стук бродяжьей фляги, лишь на миг оборачивался и равнодушно возвращался к своим делам. Спеть нищего никто не просил – работа кипела, со дня на день край ждал богатых и именитых гостей, которым понадобится что-то есть и у кого-то останавливаться.

Шаг за шагом ступают деревянные башмаки по каменистой дороге, шаг за шагом гремит фляга. Нищий музыкант идёт, напевая что-то себе под нос. Изредка он помогает себе руками – ох, трудно поймать мелодию!

Стоило побродяге скрыться за поворотом дороги, как на ней показалась маленькая конная процессия – двое рыцарей с оруженосцами. Последним были выделены местные камаргианские жеребцы, тогда как важные мужи, убелённые сединами, важно восседали на дорогих испанских скакунах. Парадное убранство ещё больше подчёркивало разницу между старшими и младшими – одежда юношей была гораздо скромнее, темнее и проще.

Солнце начинало чувствительно припекать. Желая немного взбодриться в этот ранний час, всадники оживлённо беседовали.

– Клянусь Мадонной, этот папский любимчик Оноре – безумец! Гнать нас на это сборище гнусавых шутов под угрозой отлучения! Ничего лучше он не мог придумать! – недовольно бурчал в седеющие усы старший рыцарь.

– Будь осторожен, Рене, говорят, он хитёр, как английская лисица. У него всюду есть глаза и уши – каждый кюре и трактирщик рад заработать звонкую монету за свой донос, – предостерег спутника второй.

– Дядя, а кто он такой, этот Оноре? – любопытствовал один из юных оруженосцев.

– Племянник нынешнего папы, забодай бык их обоих! Знаем мы этих племянников! – Рене подмигнул юношам и залился громким хохотом.

Второй рыцарь смотрел на него с явным неодобрением и надменно произнёс:

– Рене, боюсь, Вы забыли о том, что нам вверены не только тела, но и души этих молодых христиан. С Вашей стороны весьма опрометчиво отзываться о святом престоле в таком духе, – второй рыцарь явно сознавал, что разговор стоило перевести в другое русло.

– Сразу видно, Антуан, что в твоём роду больше аббатов, чем воинов. Нет уж, пусть наши воспитанники знают правду. В моём мече больше святости, чем в нынешней церкви. Эти плуты и греховодники по утрам и вечерам читают проповеди, а днём пьянствуют да бегают за поселянками. Только одного святого отца в жизни я и признавал, и почитал, но почтенный старичок умер.

– Ох, Рене, если бы я не сражался с тобой бок о бок, то заподозрил бы тебя в ереси. Но я помню, как ты возвращался в наш шатёр по локоть в сарацинской крови, и не думаю, что ты способен предать нашу веру. Однако слова твои слишком горячи, и я советовал бы тебе молчать – незнакомцы могут быть менее снисходительны, чем я.

– Я и рад бы не болтать, а сражаться, как в старые добрые времена. Только нынче я слишком тяжёл и грузен, а войны всё больше затеваются торговцами да грабителями.

Антуан покачал головой – его боевой товарищ, ворчун Рене явно был неисправим.

Неизвестно, как долю бы ещё продолжался разговор, если бы они не нагнали побродягу-музыканта. Бедняга изрядно вспотел и выбился из сил, постукивания фляги стали какими-то жалобными. Холстина совсем растрепалась, и теперь с близкого расстояния было видно, что нищий несёт на спине лютню дивной красоты с королевским гербом.

– Поглядите-ка на этого оборванного молодчика! Никак он где-то раздобыл лютню из монарших покоев! – толстяк Рене был немало удивлён.

– Думаю, этот бродяга просто украл её и желает сбыть на турнире менестрелей в Арле. Надеется, что в суматохе никто не спросит, как ему достался этот превосходный инструмент. А герб может быстро стереть умелый плотник, – брезгливо продолжил его мысль Антуан.

– Ну, нет! Я этого так не оставлю! – вскипел Рене. – Господа, мы должны отбить лютню и задержать вора.

– Правильно, дядя! – юный Эжен первым воинственно приблизился к нищему.

Но тут бродяга резко повернулся в их сторону и насмешливо произнёс красивым низким голосом:

– Не спешите бить меня, как простолюдина, смелые шевалье. Вас смутил мой вид, который я избрал ради собственной безопасности. Господин Рене может спешиться и проверить мои бумаги. Я сумею доказать ему, что перед ним человек благородных кровей.

Рене неохотно спешился и недоверчиво подошёл к оборванцу. Тот отвёл его в сторону, и некоторое время они степенно беседовали чуть поодаль от всадников. Наконец грузный рыцарь вернулся и обратился к своим спутникам:

– Благородные шевалье, этот пеший господин говорит чистую правду. Мы все здесь честные дворяне. Однако же, ваш соперник не имеет ни коня, ни оружия и предлагает вам сражаться на равных условиях.

Эжен, которому не терпелось показать себя, первым спустился на землю и снял доспехи (тесёмки он развязал заблаговременно, увидев лицо возвращавшегося дяди).

Стоило ему налететь на побродягу, как тот ловко завёл ему руку за спину и повалил на землю, придавив коленом. Никто не успел даже понять, когда нищий успел это сделать. Эжен попробовал было подняться и сбросить противника, ударив его головой, но тот разгадал его манёвр и успел увернуться, преобольно сдавив ему ноги. Приглашение продолжить поединок юноша пристыженно отверг – он поднялся и молча пошёл к своему коню...

Второй оруженосец и вовсе был трижды брошен на землю, не успев даже приблизиться к обидчику Эжена. Побродяга ронял его на обе лопатки, танцуя и кривляясь, играючи. Бедный немой смотрел на оборванца с нескрываемой обидой – разве так побеждают?! Разве не честный кулак должен решать исход боя? И всё же он вынужден был признать поражение.

Рене по праву старшего уступил Антуану. Тот уже не надеялся на лёгкую победу. Нищий тоже заметно подобрался, примериваясь к новому поединщику – опытный воин не чета мальчишке, который ещё вчера воровал сласти с материнской кухни.

Первым делом Антуан попробовал заставить голодранца потерять равновесие, ударив одновременно по ногам и корпусу. Но его удар не достиг цели – бродяга как из-под земли вырос у него за спиной и издевательски толкнул его вперёд что было мочи, от чего рыцарь упал в пыль, до крови ободрав колени, словно упражняющийся в воинском искусстве желторотый юнец. Антуан с трудом подавил ярость и снова наскочил на вёрткого оборвыша, намереваясь угостить его хорошим ударом в челюсть. Не тут-то было – соперник, словно лезвие клинка, сам бросился ему под ноги и снова заставил упасть, потревожив разбитые колени. Закусив губу, Антуан снова подлетел к ловко спружинившему неизвестному дьяволу, но, поскольку самообладание уже покинуло рыцаря, тот без труда повалил его снова. И чем больше ярился воин, тем меньше скрывал свой смех побродяга неизвестного дворянского рода.

Антуан в пятый раз поднялся с земли с плохо скрываемой злостью и посмотрел на Рене, который чему-то улыбался.

– Чему смеётся наш старый солдат? Настало время тебе попытать счастья. Этот попрошайка хочет нас опозорить!

– Дорогой Антуан! Я, пожалуй, сдамся без боя. Я видел, насколько незавидной была ваша участь.

– Но это же позор! Ты герой стольких битв! Сарацины усерднее клали поклоны, когда слышали твоё имя.

– И всё же я откажусь от поединка. А нашего позора, я думаю, этот достойный человек не допустит. Я бы хотел представить вам владельца этой лютни.

Из лохмотьев выпросталась худенькая жилистая рука, похожая на узловатый дубок, растущий близ реки Гар. Рука начала что-то разматывать и распутывать. Наконец уродливый плащ был сбит в сторону, и из-под него показалась копна чёрных волос, схваченных кожаным плетёным ремешком с блестящими камнями. Перед ними стояла очень смуглая девушка с полными губами и изящным, задорно вздёрнутым вверх носиком. Её угольно-чёрные глаза смеялись.

– Вас погубило благородство и великодушие, господа! Уличные музыканты не отличаются ни первым, ни вторым. Меня зовут Жанна, прошу прощения за небольшой маскарад. Так путешествовать безопаснее. Не все же так благородны, господа. Могут и компанией напасть.

Трое её противников были заметно сконфужены. А Рене, не скрываясь, беззвучно хохотал так, что его живот колыхался.

– Это нечестно! – воскликнул взбешённый Антуан, который опомнился первым. – Вы – колдунья, мадемуазель!

– Попрошу Вас воздержаться от громких слов. Насколько я знаю, женщина должна защищаться так, как она умеет. И не моя вина в том, что я умею это делать хорошо. А что касается честности, разве порядочно было подозревать меня в краже лютни, которую мне пожаловали Её величество? Вы слишком резки для побеждённого, мсье Антуан.

– Мы только хотели восстановить справедливость... – попытался возразить Антуан, но уже без прежней уверенности в голосе.

– Простите, мадемуазель, – решился заговорить Эжен, – верно ли я услышал, что вас зовут Жанной? Не называют ли вас также Жанной-Песенницей?

– В замках, портах и на рынках Прованса меня называют именно так.

На лице Антуана появилась брезгливая и недовольная гримаса. Он знал, что даже последний скотник напевает балладу Жанны о незадачливом рыцаре и остроумной пастушке. Участь высмеянного горе-вояки задевала его самолюбие. А у Песенницы острый язычок – это всем известно!

– Господа, а также присутствующая здесь дама! Короли иной раз заключают мир даже с сарацинами, неужели несколько добрых христиан не смогут договориться между собой? – Рене заговорил нарочито торжественно, впрочем, надо было хорошо знать его, чтобы почувствовать какой-то подвох. Улучив момент, когда остальные рыцари отвлеклись, старый пройдоха подмигнул Жанне.

– Почтенный Рене, как я вижу, предлагает нам заключить мир? – насмешливо переспросила Жанна, тряхнув тёмными и тяжёлыми, как хвост дикой кобылицы, прядями. – Стало быть, мне не отказывают в милости, доступной даже сарацинам? Вот спасибо! И предлагают забыть о нанесённом оскорблении? Вы посчитали меня воровкой и пожелали отобрать то, что заработано честным, хотя и вряд ли праведным, трудом. Это жестокая обида! И я не собираюсь о ней молчать!

Антуан заёрзал в седле. От неприятных раздумий он вернулся было к своей старой привычке – начал покусывать ус, но вовремя спохватился и подавил искушение.

– Должен признать, дама права. Но, может быть, мы сможем как-то искупить свою вину, – прищёлкнув языком, Рене намеренно сделал ударение на «купить».

В воздухе повисла неловкая пауза. Оглядев лица осрамлённых и побеждённых, Жанна от души расхохоталась. Отсмеявшись, она перешла прямо к делу:

– Ну что, господа высокородные рыцари... Ваше благородство не позволяет Вам говорить о низких и презренных вещах. К счастью, мой род занятий меня так не стесняет. Да, да, вы верно понимаете намёк. Готова поклясться самым дорогим, что у меня есть – вот этой лютней, – что не напишу ни строчки о сегодняшнем происшествии и уж тем более нигде не буду о нём петь. Но за это, а также за предшествующие оскорбления, вы должны мне щедро заплатить. Не гнушайтесь, господа, за молчание платят даже при дворе.

Когда речь зашла о таком простом способе избежать позора, Антуан оживился и довольно быстро поделил требуемую сумму на четыре. После этого он обернулся к юношам, которых вообще замечал только по необходимости.

– Дорогой Эжен! Насколько я понял, Вы являетесь почитателем таланта мадемуазель Жанны.

– О да! Три года назад я имел честь слышать её в замке моих родителей. Поверьте, она поёт просто чудесно.

Антуан занял позицию, откуда ему было всех хорошо видно, и обратился ко всем своим спутникам.

– Друзья! Рыцарю нужно не только бряцать оружием, но и понимать толк в изящных искусствах! У меня нет оснований не верить юному Эжену. Думаю, мы все считаем, что талант этой достойной дамы заслуживает вполне осязаемого поощрения!

– Вы забыли уточнить, какой именно из моих талантов, мсье Антуан! – Жанна угрожающе потянула руку к лютне, хулигански улыбаясь.

– Любой талант заслуживает поощрения! – быстро нашёлся Антуан. – Итак, господа, что же мы... м-м-м... подарим мадемуазель Жанне?

– Если каждый из нас вложит по четверти требуемой суммы, всё будет вполне справедливо, – поспешил завершить торг Рене. Возражать ему никто не стал.

– Эжен, куда ты подевал мой запасной кошелёк? Достань-ка его, он нам понадобится.

Эжен проворно соскочил с лошади и достал небольшой кожаный мешочек. Рене тем временем успел отсчитать монеты, составляющие его долю. Получив от юноши кошелёк, он бросил туда несколько звенящих золотых, подавая пример. Юноши расстались с деньгами легко. И только Антуан слегка поморщился и напыщенно произнёс:

– Мадемуазель Жанна! Я имею честь от лица всей нашей компании вручить вам этот скромный дар. В знак нашего преклонения перед вашим несомненным талантом и...

Жанна не дала ему договорить.

– Я думаю, вы бы предпочли умолчать, перед чем ещё вы преклоняетесь, поэтому я избавлю вас от долгих объяснений. Они не нужны ни мне, ни вам. Говорят, лицемерие – тяжкий грех, но вы четверо меня очень выручили. Полагаю, у нас одна и та же цель путешествия с той лишь разницей, что вы едете на турнир в Арле, опасаясь святейшей инквизиции, а я намереваюсь там спеть. В благодарность за вашу щедрость я могла бы сочинить балладу о четырёх бескорыстных и доблестных рыцарях.

– Право же, не стоит. Это лишнее, – сквозь зубы процедил Антуан.

– Так вы едете на папский бескровный турнир? Святая Дева, хоть один человек там не заставит меня зевать! – Эжен не скрывал восторга. – Позвольте ли вы сопровождать вас?

– Эжен!!! – Антуан весь побагровел и даже прикусил ус от ярости. Он не успел ещё придумать причину для вежливого отказа, как Жанна сказала своим обычным насмешливым тоном:

– Отчего же нет, мой юный друг? Вы так высоко оценили мой талант, а я даже ничего не спела. Буду благодарна, если вы доставите меня до ближайшего селения. Я приглашена на свадьбу к кузнецу, надо же как-то добывать себе хлеб: не все мои почитатели щедры в той же мере, что и вы.

– Конечно, мы окажем мадемуазель Жанне эту маленькую услугу! – сказал толстяк, подмигнув Эжену.

Антуану ничего не оставалось, как проглотить это.

– Тогда в путь! – воскликнул он. – Не будем терять времени. – Антуан жестом приказал немому оруженосцу подать ему плащ, который слетел на землю во время схватки. Все успели заметить, что он рванул ткань на себя слишком уж резко: юноша едва не упал.

Антуан изо всех сил прищипорил лошадь. Та взвилась на дыбы и тревожно заржала перед тем, как унести своего разъярённого хозяина далеко вперёд. Оруженосец последовал за господином.

– Дама поедет со мной, – сказал Рене. Эжен заметно расстроился. Он-то надеялся рассказать своей невесте о том, что однажды ему даже довелось подвезти Песенницу, и рассчитывал на бурную сцену ревности с последующим приятным примирением. Поначалу он вяло плёлся на своей изящной испанской кобылке за мощным чёрным жеребцом Рене непонятной породы. Но юности не свойственно долгое уныние, и мысль, внезапно пришедшая ему в голову, озарила улыбкой его безусое лицо. Он поравнялся с Рене и, к своему неудовольствию, заметил,

что Жанна беседует со старым ворчуном так, словно они давно знакомы. Он картинно кашлянул, чтобы привлечь их внимание, прервав оживлённую беседу вполголоса.

– Извините мою дерзость, – начал он, – однако я осмелился предполагать, что благородная мадемуазель Жанна всегда держит свои обещания. Вот уже четыре года я не слышал её божественного пения. Думаю, с тех пор вы написали и исполнили немало достойных вещей, которые мне не знакомы. Прошу вас, спойте одну из них, и я буду совершенно счастлив.

Жанна выслушала его снисходительно, но без тени заносчивости, как человек, который привык пропускать похвалы мимо ушей – как, впрочем, и ругань.

– Мой юный друг, вы оказали мне большую услугу. Благодаря вам, я отведаю свежего хлеба с молоком на целых полдня раньше. Для бедного артиста это весьма существенно, ибо хлеб достаётся ему не каждый день. Поэтому я спою для вас.

– Вот и отлично! – прокричал Рене, отирая пот со лба, – здесь недалеко есть колодец. Я всё равно хотел там остановиться. Это адово солнце скоро выжмет из меня весь пот до капли.

Рене продолжал ворчать весь оставшийся путь до колодца, пока не завидел его вдаль и не возблагодарил всех святых вместе взятых.

При всей своей тучности он ловко спрыгнул с коня и направился прямо к пастушьему водопою. Жанна и Эжен, наконец, открыто рассмеялись.

Девушка заметила, что Рене отошёл достаточно далеко и плескался с таким увлечением, что напоминал боевого слона, принимающего полуденную ванну. Ещё раз улыбнувшись, она обратилась к Эжену:

– Мой юный друг, я вам кое-чем обязана. Вы столь лестно отозвались о моих способностях, что мсье Антуан даже расстался с содержимым своего кошелька. Подозреваю, это бывает с ним нечасто.

– О да, мадемуазель! Если бы он не боялся осуждения, он бы посадил моего немого товарища на хлеб и воду.

– Охотно верю. Однако мне бы не хотелось обсуждать этого неприятного господина. Вы помогли мне поумерить его пыл, поэтому я готова спеть для вас любую песню.

Эжен заметно сконфузился. Попросить Жанну спеть то, что он слышал четыре года назад в отцовском замке, означало признать себя мальчишкой. Новых песен он почти не знал.

– Я вижу, моя просьба поставила вас в тупик. Кстати, мсье Эжен, как поживают ваши достопочтенные родители? Ваша матушка всё-таки окончила ту грандиозную вышивку, которую пообещала принести в дар церкви?

– Благодарю вас, они здоровы. А ту вышивку показывают даже коронованным особам.

– У вашей матушки ангельское терпение, мсье Эжен. Кстати, кажется, я знаю, чем вас порадовать. Вы носите помолвочное кольцо. Значит, где-то существует счастливица, у которой осталось второе.

– Вы очень наблюдательны.

Эжен отвернулся и сделал вид, что рассматривает птиц, пролетающих у него за спиной. Не хватало ещё, чтобы Песенница видела, как он краснеет.

– Выучилась этому у цыганок. Знаю две-три их песни, и этого хватает, чтобы меня приглашали в табор. Знаю, как гадают женатым и как очаровывают тех, кто мечтает покорить какую-нибудь красавицу. Но они, пожалуй, наведут на меня порчу, если я раскрою все их тайны. Ваши птицы уже пролетели?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.